

УДК 82-1

DOI: 10.30624/2220-4156-2025-15-1-19-28

**Особенности репрезентации образа Степана Эрзы
в поэме Мордовии второй половины XX века**

С. П. Гудкова

*Национальный Исследовательский Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Российская Федерация,
sveta_gud@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Статья посвящена изучению особенностей художественного воплощения образа Степана Эрзы в жанре поэмы русскоязычных лириков Мордовии и продолжает ряд подобных исследований в области отечественного эрзеведения. Предметом рассмотрения являются способы и приёмы создания образа Эрзы в лиро-эпических произведениях.

Цель: выявить специфику репрезентации образа эрзянского скульптора и художника в творчестве русскоязычных поэтов Мордовии на примере жанра поэмы.

Материалы исследования: поэмы В. Егорова «Глубинный свет» (1968), Э. Симдяновой «Будущее» (1969), В. Гадаева «Предназначение» (1968–1974), В. Юшкина «Тысяча строк об Эрзе» (1985), Ланы Веточки «Прощание Эрзы с “детьми”» (1997).

Результаты и научная новизна. В последние десятилетия в литературе Мордовии наблюдается возросший интерес к личности Степана Эрзы. Наиболее масштабно образ эрзянского скульптора представлен в жанре поэмы русскоязычных лириков Мордовии. Жанровая специфика поэмы как крупной поэтической формы позволила всесторонне представить судьбу, характер, внутренние переживания мордовского художника, который на протяжении всего творческого пути чувствовал нерасторжимые связи со своей малой родиной. Научная новизна статьи обусловлена тем, что в ней впервые в мордовском литературоведении рассматривается специфика репрезентации образа С. Эрзы в поэме русскоязычных авторов. В ходе исследования установлено, что отличительной особенностью произведений о великом скульпторе является синтез документального и художественного начал. Поэты воссоздают факты его биографии, национальное происхождение, этапы творческого пути, знаковые события жизни. В поэмах «Глубинный свет» В. Егорова и «Будущее» Э. Симдяновой осмысливается казанский период обучения иконописи мордовского юноши. Обращение к документальным подробностям, биографическим деталям, использование национальной лексики, топонимики помогает раскрыть образ трудолюбивого эрзянского художника на пути к мировому признанию. Мотив воспоминания о родной мордовской земле становится сюжетообразующим в поэме В. Гадаева «Предназначение», повествующей об аргентинском периоде жизни Эрзы. Поэт создаёт образ изгнанника, тоскующего на чужбине. В отличие от поэтов-предшественников, В. Юшкин в поэме «Тысяча строк об Эрзе» акцентирует внимание на значимости общественной роли художника. Используя приёмы полифонизма, игру автора-повествователя, поэт раскрывает личность творца-вдохновителя всего мордовского народа. Лирическая составляющая отличает поэму Ланы Веточки «Прощание Эрзы с “детьми”». Повествовательная форма от первого лица помогает автору передать трагедию души скульптора.

Ключевые слова: Степан Эрзя, русскоязычная поэзия Мордовии, жанр, поэма, художественность, эрзеведение

Для цитирования: Гудкова С. П. Особенности репрезентации образа С. Эрзы в поэме Мордовии второй половины XX века // Вестник угроведения. 2025. Т. 15. № 1 (60). С. 19–28.

**Peculiarities of representation of Stepan Erzya's image
in the poetry of Mordovia in the second half of the XX century**

S. P. Gudkova

*National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation,
sveta_gud@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: the article is devoted to the study of the features of the artistic representation of the image of Stepan Erzya in the genre of poetry by Russian-speaking lyricists of Mordovia and continues a number of similar studies in the field of

Russian Erzya studies. The subject of consideration is the ways and techniques of creating the image of Erzya in lyrical and epic works.

Objective: to identify the specifics of representation of the image of the Erzyan sculptor and artist in the works by Russian-speaking poets of Mordovia using the example of the poem genre.

Research materials: the poems by V. Yegorov "The Deep Light" (1968), E. Simdyanova "The Future" (1969), V. Gadayev "The Destiny" (1968–1974), V. Yushkin "A Thousand Lines About Erzya" (1985), Lana Vetochka "Erzya's Farewell to His "Children"" (1997).

Results and novelty of the research: in recent decades, there has been an increased interest to the personality of Stepan Erzya in the literature of Mordovia. The image of the Erzya sculptor is presented on the largest scale in the genre of a poem by Russian-speaking lyricists of Mordovia. The genre specificity of the poem as a major poetic form made it possible to comprehensively present the fate, character, and inner experiences of the Mordovian artist, who throughout his creative career felt indissoluble ties with his small homeland. The scientific novelty of the article is due to the fact that for the first time in Mordovian literary criticism the specifics of the representation of the image of S. Erzya in the poem by Russian-speaking authors is considered. The research revealed that a distinctive feature of the works about the great sculptor is the synthesis of documentary and artistic principles. The poets recreate the facts of his biography, national origin, stages of his creative way, and significant life events. The poems "The Deep Light" by V. Egorov and "The Future" by E. Simdyanova reflect on the Kazan period of study of icon painting by a Mordovian young man. The appeal to documentary and biographical details, the use of national vocabulary and toponymy helps to reveal the image of a hardworking Erzya artist on his way to world recognition. The motif of remembering his native Mordovian land becomes a plot-forming in the V. Gadaev's poem "The Destiny", which tells about the Argentine period of Erzya's life. The poet creates the image of an exile longing in a foreign land. Unlike the predecessor poets, V. Yushkin in his poem "A Thousand Lines About Erzya" focuses on the importance of the artist's social role. Using the techniques of polyphonism, the play of the author-narrator, the poet reveals the personality of the inspiring creator of all Mordovian people. The lyrical component distinguishes Lana Vetochka's poem "Erzya's Farewell to His "Children"". The first person narrative helps the author to convey the tragedy of the sculptor's soul.

Keywords: Stepan Erzia, Russian-language poetry of Mordovia, genre, poem, artistry, Erzia studies

For citation: Peculiarities of representation of Stepan Erzya's image in the poetry of Mordovia in the second half of the XX century // Vestnik ugrovedeniya = Bulletin of Ugric Studies. 2025; 15 (1/60): 19–28.

Введение

Мордовский скульптор Степан Дмитриевич Эрзя (настоящая фамилия Нефёдов, 1876–1956 гг.) увековечивший свой народ в истории мировой культуры, прошёл сложный путь к успеху. С раннего детства он был кровно связан с малой родиной – эрзянским селом Баево Алатырского уезда (ныне территория Ардатовского района Республики Мордовия). Несмотря на тяготы крестьянской жизни, мальчик рос в гармонии с родной природой, это чувство он сохранял всю жизнь. Благодаря поддержке отца, заметившего художественные способности сына, начинается постижение основ живописи в иконописных мастерских Алатыря и Казани, затем он учится мастерству валяния и зодчества в Москве, Италии, Франции. Географические пути мордовского художника широки, в силу ряда причин ему пришлось жить на Урале, в Новороссийске, Батуми, Баку, Аргентине [25; 26; 27; 29]. Однако Эрзя всегда был тесно связан со своими национальными корнями. Он мастерски соединял современную технику искусства с национальным мордовским колоритом, «вдыхал» в природный материал живительную силу свой родины.

Г. Сутеев о значении псевдонима мордовского скульптора писал: «Эрзя <...> Это не имя, это даже не псевдоним. Это прозвище... одной из старинных и далёких народностей – мордвы <...> Этот маленький народ, затерянный среди изумрудных лугов и безграничных болот Симбирской губернии, орошаемой великой рекой Волгой, имеет <...> этническое родство с финнами» [21, 13].

Особую значимость в творческом наследии С. Эрзи имеет деревянная скульптура, что демонстрирует связь художника с мордовским этносом, в представлении которого дерево является первородным элементом. В национальной мордовской мифологии образ Мирового древа выступает в качестве «центрального сакрального образа, соединяющего земное и небесное, живое и мёртвое, становясь своеобразным символом нации» [22, 65]. Сам художник отмечал: «Дерево стоит больше, чем мрамор и камень. Дерево когда-то жило, оно росло, в его жилах текла кровь. Скульптор, обрабатывая его, не чувствует холода мёртвой материи, напротив, ощущает тепло» [Цит. по: 16, 102]. В многочисленных деревянных скульптурах Эрзи запечатлён образ мордовского народа:

«Голова мордовки», «Рыбак», «Сеятель», «Косарь», «Эрзянка», «Портрет Тони», «Крестьянин-мордвин», «Портрет отца», «Портрет матери» и др.

Феномен Степана Эрзы, его личность и судьбу, связи с национальными корнями пытались осмыслить многие искусствоведы, писатели, поэты. Эрзянский скульптор явился героем множества художественных текстов, значительная часть которых была создана его земляками [1; 12; 18 и др.]. В мордовской литературе сложилась своеобразная «эрзяна», насчитывающая более двухсот произведений, куда вошли мемуарные, публицистические, художественные и другие тексты [11]. Сегодня можно выделить несколько направлений в исследовательской деятельности мордовских учёных, занимающихся рассмотрением феномена эрзянского скульптора. Самое значительное – это культурологическое направление, где акцентируется внимание на этноэстетике мордвы как основы искусства С. Эрзы [4; 13; 14; 15; 16; 17]. В последние два десятилетия появилось несколько кандидатских диссертаций, предлагающих комплексное изучение образа С. Эрзы на примере анализа художественных произведений К. Абрамова, Б. Полевого, А. Пудина, И. Калинкина, А. Моро и др. [6; 9; 19].

В свете обозначенной проблемы особый интерес для нас представляют работы Т. М. Казанцевой, где весьма подробно рассмотрены особенности поэтических текстов мордовских лириков, обратившихся к образу С. Эрзы [10; 11]. Исследователь акцентирует внимание на поэтических текстах, созданных на эрзянском и мокшанском языках: И. Шумилкина «Степан Эрзя», Д. Надькина «Пусмо» («Букет»), И. Калинкина «Ине Эрзянень пшкадема» («Обращение к великому Эрзе»), А. Малькина «На чужбине», И. Прончатова «Возвращение», А. Тяпаева «Эрзянь скульптуранза» («Скульптуры Эрзы») и др.

Следует отметить, что образ мордовского скульптора получил образное воплощение и в творчестве русскоязычных поэтов Мордовии: Э. Симдяновой, В. Егорова, В. Гадаева, А. Шаронова, А. Громыкина, В. Юшкина, Ланы Веточки (С. Ламбина), К. Смородина и мн. др. К сожалению, в современном мордовском литературоведении поэтические тексты обозначенных авторов ещё не получили развёрнутого на-

учного анализа.

Таким образом, несмотря на определённую работу, проделанную теоретиками литературы в области осмысления художественного наследия о мордовском скульпторе, на сегодняшний день остаются многие вопросы, нуждающиеся в более глубоком изучении. Рассмотрение образа С. Эрзы в лиро-эпических произведениях русскоязычных авторов позволит не только увидеть особенности художественного мастерства отдельных писателей, но и внесёт определённый вклад в современное эрзеведение.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили поэмы Ланы Веточки (С. Ламбиной), В. Егорова, В. Гадаева, Э. Симдяновой, В. Юшкина, посвящённые С. Эрзе.

В работе были использованы методы: сравнительно-сопоставительный, биографический, социокультурный.

Результаты

Степан Эрзя – мордовский скульптор мирового масштаба, выходец из простой крестьянской семьи, завещавший родному народу большую часть своего наследия. Его образ запечатлели многие национальные и русскоязычные писатели и поэты [2; 8]. Прежде всего, современников привлекает тяжёлая судьба художника, тернистый путь, который он прошёл к мировому признанию. Личность подобного масштаба потребовала от поэтов обращения к крупной жанровой форме – поэме [28]. Её жанровая специфика: большой охват событий, синтез лирического и эпического начал, многогеройность, роль авторского голоса – позволила многосторонне представить образ С. Эрзы. Гибкая жанровая структура поэмы помогла передать сложные перипетии его судьбы на пути к успеху, внутренние психологические надломы, тоску по родине, муки творчества и поиски вдохновения. Интерес к эрзянскому скульптору и художнику в литературе проявился уже в 60-е гг. XX столетия и не ослабевает до сих пор. Одними из первых русскоязычных поэтов к образу С. Эрзы обратились В. Егоров «Глубинный свет» (1968), Э. Симдянова «Будущее» (1969), В. Гадаев «Предназначение» (1968–1974).

Поэмы В. Егорова и Э. Симдяновой посвящены казанскому периоду творчества мордов-

ского художника, когда он только пробовал свои силы в иконописи. В. Егоров акцентирует внимание на становлении личности художника, переломных моментах, которые повлияли на дальнейший выбор жизненного пути.

Поэт обращается к тяжёлому детству Степана, к непростой судьбе мордовского народа («... Там он дружил с трудом, Степан, / и нюхал пот его и соль, / и разрасталась в сердце боль / за жизнь свою и жизнь крестьян...» [7, 32]). Лиро-эпический жанр позволил автору создать большую эпическую картину, затронуть многие национальные проблемы. В. Егоров остаётся на исторических вопросах, связанных с насильственным крещением мордвы, на лишении народа свободы духа, зависимости от воли церкви и её служителей. В. Егоров подчёркивает тесную связь своего героя с судьбой мордовского народа: «Он познаёт и видит Русь – / И нищету её и грусть, – / Всю жизнь без розовых прикрас / И горечью зальётся мысль, / Когда, срубая зелень рощ, / Под крик старух и слёзный дождь / Окрестят силой черемис. / Был арестован и избит / Старик, согбен, седобород. / Роптал в брожении народ, / А крест мечом врывался в быт» [7, 31]. Поэт заостряет внимание на изменении взглядов героя, который пересматривает своё желание стать иконописцем. Наблюдательный юноша, находясь среди сверстников-учеников, не только начинает высмеивать работу богомазов, но и бросает вызов священнослужителям: «Хотите, батюшка, Христа / я мигом сделаю из вас, – / шутил беззлобно богомаз. / А поп / – Нет на тебе креста!» [7, 30].

Следует отметить, что поэмы В. Егорова и Э. Симдяновой во многом основаны на реальных событиях. Авторы поэтически переосмысливают ученический период жизни Д. Нефёдова в иконописной мастерской мещанина Петра Андреевича Ковалинского. Они вводят в поэтическую ткань множество документальных фактов: условия жизни, работа подмастерьев, поведение учеников, характер владельца мастерской и т. п.: «Прикажет мастер пол помыть, / в трактир сходить, пасти гусей – / быстрее белки в колесе / крутись...» [7, 28] или: «Хозяин, Пётр Андрееч, строг: / коль бездарь – вытурит взащей, / но если с искоркой в душе, / её раздует в огонёк» [7, 29].

В дневнике, который вёл Степан Нефёдов в тот период, эскизно запечатлено настроение

будущего мастера: «1894 г. 14 марта. Казань. Первая ночь; очень плохо спать на верстаке. Это ничего ещё, а что и где буду завтра, неужто придётся хуже. 15 марта. Сегодня был у многих богомазов; всё не берут меня учиться, говорят, что большой я – они, чорт они. 16 марта. Сегодня был у богомаза Ковалинского, – жена его меня выгнала. 14 апреля. Сегодня поступил к Ковалинскому, работал, клей варил, намазывал доски краской. Обедал, кухня плоха» [Цит. по: 15, 112].

Соединяя документальное и поэтическое, синтезируя факты и вымысел, В. Егоров создаёт образ неистового художника, одержимого жаждой получения знаний, мечтающего сказать новое слово в искусстве. Поэт концентрирует внимание на упорстве, трудолюбии, силе характера молодого человека. Сюжетообразующим элементом поэмы становится художественное осмысление биографического факта из жизни скульптора – его первое знакомство с работами М. А. Врубеля. Вместе с другими учениками и самым мастером, П. А. Ковалинским, С. Нефёдов посетил в Нижнем Новгороде Всероссийскую художественно-промышленную выставку, на которой были представлены врубелевские работы «Микула Селянинович и Вольга-богатырь», «Принцесса Грёза», «Демон», «Голова» и др. Об этом событии он писал: «Мы зашли в отдельный большой сарай, выстроенный купцом Морозовым. <...> В этом сарае выставлена была картина художника Врубеля. Когда я вошёл, то так и застыл на месте. Меня так поразило произведение Врубеля, что я не в состоянии был двигаться» [Цит. по: 15, 113].

В. Егорову удалось передать ошеломляющее впечатление юноши от картин первого русского модерниста и навсегда отказаться от работы иконописца. Под влиянием произведений великого мастера на него нисходит «глубинное озарение», укрепляется вера в собственные силы и неограниченные возможности передавать через искусство всю палитру национальной народной жизни, частью которой был и он сам: «... В полотнах русских мастеров / бурлила жизнь, смеялась Русь, / печалилась, но всё ж – “Не трусь!” – / твердила мощью бурлаков. / “Микула” Врубеля – вот да! / Степан отсюда ни на шаг / и, сказкой дедовской дыша, / умчался в дали сквозь года» [7, 30].

Поэт обращается к изображению национальных корней скульптора, его связей с родной

эрзянской землёй, односельчанами. В. Егоров, как и большинство авторов, заостряет внимание на близости художника к природе. Именно в ней он черпает своё вдохновение и жизненные силы. Поэт мифологизирует природу, она предстаёт перед ним в виде монументальных образов будущих работ мастера: «За козым бродом на метле / колдует древняя Яга, / над нею лунная дуга, / под ней дурман шипит в золе. / Во тьме с поляны леший прёт, / глаза – два странных огонька, / замшела лапища-рука, / оскален ненасытный рот» [7, 31].

Композиционное своеобразие поэмы В. Егорова заключается в соединении высокого и низкого, земного и возвышенного. Приём антитезы становится ключевым в создании образа главного героя поэмы. С одной стороны, поэт видит в мордовском скульпторе особый божественный дар («В душе восходят семена, / он сам собою удивлён. / Раскованно, легко-легко / в неё нисходит, словно след, / открытия глубинный свет...») [7, 33]), а с другой – подчёркивает упорный труд и целеустремлённость простого юноши из крестьянской семьи («...Домой, домой! / За кисть, за краски, за мольберт. / Рождённый смердом, я не смерд. / Вон пути рабские – долой!» [7, 32]). Несмотря на то, что автор описывает лишь начало тернистого пути С. Эрзи, ему удаётся передать переломный момент в жизни человека: переход от иррационального к рациональному, от мечты – к её достижению: «...И до мечты – подать рукой» [7, 33].

На протяжении всей поэмы автор показывает, как тяжела жизнь простого народа, как в суровых условиях может погибнуть талант. Поэтому автор акцентирует внимание на силе характера, самосознании мордовского скульптора. Его решение посвятить себя искусству доказывает неограниченные возможности представителя мордовской нации: «Живую статуей застыл / Эрзянский сын у полотна, / И перед ним плыла страна...» [7, 30].

Созвучной в проблемно-тематическом плане поэме «Глубинный свет» В. Егорова является и лиро-эпическая поэма Э. Симдяновой «Будущее». Как мы уже отметили, поэтесса также обращается к годам ученичества С. Нефёдова в Казани. Однако, автор отказывается от изображения детальных подробностей жизненных перипетий героя, а сосредотачивает внимание на одном биографическом эпизоде – создании

Степаном иконы Богоматери Скорбящей, образ которой произвёл сильное впечатление на владельца иконописной мастерской Петра Андреевича Ковалинского и его супругу [15]. Именно создание Божественного лика дарит мастеру надежду на будущее: «Стоял, как поражённый богомаз / Перед иконой, что скорбела немо. / И понимал, что настал разлуки час / Со всем, чем жил он под отцовским небом» [20, 73].

Поэтесса актуализирует такие качества героя, как целеустремлённость, силу характера. Оттеняя эти особенности, Э. Симдянова вводит в поэму мотив искушения. Хозяин иконописной мастерской предлагает начинающему художнику большие деньги, пророчит славу богомаза и готов отдать за него свою красавицу-дочь. Отвергая дары, герой предвидит все сложности своего пути, тем самым он сознательно вступает на тернистую дорогу: «– Эх, Пётр Андреич, вот тебе забота, / но ты меня уж больно не ругай. / Есть у тебя и деньги, и работа, / дочка у тебя, как паньджакай. / Но только у меня душа другая, / не нужен ей ни дом и не жена. / Ей жизнь вся необъятная людская / и воля беспредельная нужна» [20, 74–75]. Используя сравнение, в структуре которого содержится эрзянское слово «паньджакай» («сдобная булка» – *пер. Э. Симдяновой*), автор подчёркивает национальность своего героя. Создавая его образ, автору важно подчеркнуть обобщённые черты всей мордовской нации, стержнем которой является трудолюбие, способность жертвовать личным счастьем ради мечты, ради Будущего: «Неотразимо Будущее наше. / Оно глядит мерцанием планет / из глаз любимой, из небесной чаши. / Без Будущего, Будущего нет» [20, 75].

Близка к упомянутым произведениям и поэма В. Гадаева «Предназначение» (1968–1974), опубликованная в трёхкнижие «Светочи». В издание вошли поэтические книги «Озарённая жажда» (1986), «Прозрение» (1989) и «Жемчуг исканий» (1993). Все они посвящены великим художникам мира. В последней части наряду с судьбами В. Васнецова, И. Левитана, М. Врубеля, Н. Рериха и др. представлена и судьба мордовского скульптора – С. Эрзи. В отличие от В. Егорова и Э. Смородиной, В. Гадаев обратился к аргентинскому периоду творчества мастера, когда он более двух десятилетий находился вдали от России, от родной мордовской земли. Поэт останавливается

на непростом этапе его жизни, когда он, признанный мастер в Европе, не принимает социально-политических преобразований в России и отправляется в далёкую Аргентину [25].

Лиро-эпическая поэма В. Гадаева также имеет документальную основу. С одной стороны, она передаёт триумф творчества художника, его мировое признание, когда он, используя ценные южноамериканские породы древесины, – альгарробо и кебрачо – вдыхает новую жизнь в свои творения, а с другой – в поэме воссоздаётся вся глубина душевных переживаний художника-скитальца, тоскующего на чужбине: «...Вдруг на щеке блеснёт слеза / И снова вспомнится Поволжье, / Речушка Бездна, дом отца – / Эрзянина, чьи в пне кебрачо / Он, видит, грустный, чуть не плача, / Далёкие черты лица» [5, 109].

Сюжетообразующую роль в поэме играет мотив воспоминания. Перед тоскующим художником встают знакомые образы мордовской природы, отца, матери, резные обналичники на окнах эрзянских изб, запах печёного хлеба: «О Волге вспомнит он, о громе / Весеннем в Баяе, селе, – / Он тяжело горбится...» [5, 112]. Памятью о прошлой жизни наполняются все новые творения художника, созданные вдали от родины. Мотивы воспоминания, тоски усиливаются за счёт ряда изобразительных средств: многочисленных поэтических переносов, риторических вопросов, недоговорённости, чередования белого и рифмованного стихов. Создаётся ощущение растерянности, одиночества, непонимания героя. Следует отметить, что во многих работах, созданных мордовским скульптором на чужбине, исследователи также видят облик художника-страдальца: «...в этих работах Эрзя причудливо-разный, в нём говорил талантливый самородок, человек из недр народного быта, с одной стороны, а с другой – страдалец, отшельник, испытывавший ностальгию по Родине» [17, 16].

В. Гадаев, как и многие мордовские поэты (И. Прончатов, А. Тяпаев, А. Малькин и др.), демонстрирует сложный путь художника: от сельского пастуха до великого скульптора с мировым признанием, который своими работами увековечил имя целого народа, что «затеряв в хаосе наций и племён» [5, 107]. Проводя своего героя через искушение богатством, славой, поэт заостряет внимание на его психологических переживаниях: «И всё сильнее, всё

зримей тянет / Из дальней дали дом родной. / Лежать в земле, не там, в России, / В земле эрзян, откуда он / Ушёл в просторы мировые, / Вселенским светом озарён» [5, 113].

Не менее масштабную фигуру мордовского скульптора создаёт в своей поэме «Тысяча строк об Эрзе» (1985) и В. Юшкин. Т. М. Казанцева говорит об этом тексте, как одном из наиболее удачных на обозначенную тему в мордовской литературе: «Произведение отличается оригинальное композиционное решение: умелое сочетание воспоминаний автора, философских размышлений на тему таланта, проблем, связанных с самореализацией гениальных людей, и краткого биографического экскурса в жизненные перипетии мастера Эрзи» [11, 279–280].

Действительно, поэма имеет сложное композиционное построение: она состоит из отдельных глав, некоторые из них имеют внутреннее деление на части, представляющие собой лирические циклы. В поэму вошло и стихотворение «Эрзя», написанное поэтом в 1976 г. [24]. На первый взгляд, главы поэмы представляют собой самостоятельные фрагменты со своим локальным сюжетом. Однако, поэтические части, сцепляясь на внутреннем пространстве поэмы, создают многогранный образ мордовского скульптора. Лирический герой тесно слит с личностью самого автора. От его лица рассказывается о первом знакомстве с работами мастера («Саранск»), через них он пытается услышать голос мордовского скульптора, их глазами посмотреть на его внутреннее переживание («В галерее»). Лирический герой повествует о тяжёлой крестьянской жизни мальчика, мечтающего увековечить имя своего народа («Без даты»); знакомит читателя с подвижницей, Софьей Сергеевной Лебедевой, которая стала первой хранительницей наследия Эрзи в Мордовии («Эрзя в Саранске»).

Принцип контраста и в данной поэме играет важную роль в раскрытии образа эрзянского скульптора. Однако, в отличие от других поэтов-современников, В. Юшкин сосредотачивает внимание не на контрастности в изображении тяжёлого пути Эрзи в искусство, а подчёркивает огромную пропасть, которая лежит между обычным человеком и художником-подвижником. Отчасти таким обычным обывателем репрезентует себя и лириче-

ский герой, который, затаив дыхание, слушает в галерее ночной разговор великих творений С. Эрзы: «Аргентинки», «Мордовки», «Ужаса», «Мужества», «Моисея» и др. Полифонизм ночных голосов передаёт не столько историю происхождения каждой из работ, сколько демонстрирует их национальные истоки, кровную связь со своим создателем. Так «Мордовка» на слова «Аргентинки» о своей далёкой родине отвечает ей: «Родились с тобою обе / Под единою звездою – / Он тебя увидел старцем, / Я ж из юности восстала. / <...> Он в глаза плеснул мне Волгой. / Как твои – раскрыл их к сини. / Мы его poznali муки – / Будем же верны до смерти. / Знаю, кровь с отцом не мерять: Мы – / мордва – / до малой жилки. / <...> / Ибо мы родные сёстры. / Родились с тобою обе / Под единою звездою» [23, 74–75].

В своей поэме В. Юшкин также не обходит вниманием биографию мордовского скульптора, во многом он опирается на документальные факты. Автор, как и поэты-предшественники, раскрывает путь С. Эрзы от сельского пастуха до художника с мировым именем. Документальная основа поэмы оттеняется и осмыслением роли Софьи Сергеевны Лебедевой в увековечивании памяти великого скульптора в Мордовии. Её образ в поэме – это своего рода образ человека-подвижника, который, пожертвовав карьерой, комфортной жизнью в Петербурге, отправляется в далёкую Мордовию, чтобы быть хранительницей наследия мордовского художника и навечно связать свою жизнь с его родиной. Софья Сергеевна возглавила Мордовский республиканский музей изобразительных искусств имени С. Д. Эрзы, который был основан в Саранске в 1958 г. Жизнь С. С. Лебедевой оборвалась в 34 года. Её похоронили рядом с могилой С. Эрзы, о чём упоминает в своей поэме и В. Юшкин: «И телом, / И душой – / Донельзя / Страдая, / Знала – рвётся нить: / И завещала – / возле Эрзы / Свой бренный прах похоронить» [23, 98].

Последняя часть поэмы, глава «Эхо», представляет собой лирическое размышление о роли художника в обществе. В данной части автор снимает с себя своеобразную маску обывателя, подчёркивая свою сопричастность с великим мастером, с родной нацией. Образ С. Эрзы предстаёт здесь как образ гения-вдохновителя, дающего силу всему мордовскому народу. «Эхо» его гения откликается в каждом талант-

ливом человеке мордовской земли, который, как и сам поэт, каждый раз открывает для себя нового Эрзы в его творениях: «Я – эрзя. / Только с буквы небольшой. / Но, как и он, я мучаюсь и жажду. / А он – большой, – народа имя взявший, / Мне душу окрылил своей душой» [23, 100].

Следует отметить, что русскоязычные поэты Мордовии показывают бесспорный талант Эрзы как художника, но гораздо сложнее в поэтическом произведении представить переплетение мыслей, чувств, фантазий исторической личности, посмотреть на современный мир её глазами. Однако, на наш взгляд, и эта непростая задача реализуется в структуре поэмы. Интересную форму раскрытия личности С. Эрзы находит Лана Веточка (Светлана Ламбина) в лирической поэме «Прощание Эрзы с “детьми”» (1997). Повествование в ней ведётся от первого лица. Поэма представляет собой лирический монолог мордовского скульптора, обращённый к потомкам, где герой сам рассказывает о своём нелёгком пути, о влиянии на его творчество великих художников мира, таких как Микеланджело, Бетховен, Леонардо да Винчи; о музах и многих своих творениях. Эта форма раскрытия образа помогает поэте глубже проникнуть в душу художника, показать его мировидение, постичь сложность искусства. В отличие от рассмотренных авторов, Лана Веточка обращается к жанру лирической поэмы. В ней сосредотачивается внимание не столько на событиях, сколько на значимости личности творца. Герой открывает своё внутреннее состояние, когда его терзают муки творчества: «Одиночество молчащее. / Сколько пуль впилося в моё стучащее? / И терзает боль меня, строптивного, / Беспокойного и ретивого, / И вползает горечь, дымом стелется: / Ни во что уже мне не верится...» [3, 220].

Употребление многочисленных стоп пиррихия, сочетание разнообразных синтаксических средств создания образа (инверсия, риторические вопросы, недоговорённость, поэтический перенос) придают повествованию отрывочность звучания, подчёркивают душевный надрыв героя. Этой же цели служит и сочетание в одном произведении силлабо-тонической и тонической систем. Использование разных способов рифмовки (параллельной и перекрёстной) сближает стих Ланы Веточки со звучанием фольклорных песен, в которых слышен

голос не только скульптора, но и голос всего мордовского народа.

Важное место в поэме «Прощание Эрзы с “детьми”» занимает и отношение художника к своим творениям, наследию, которое он завещал землякам. Оно стало национальным достоянием республики. Художник видит родственные связи с Л. Бетховеном, Л. Толстым, образами земляков, которых он сам изобразил. С. Эрзя околдован музыкой Бетховена, которая и вдохновила его на работу: «Ты – воплощение вдохновенья, / Ты с музыкой своею слит... / Высокие, крутые гребни / Разбушевавшихся волос... / Мелодии необыкновенной / Внутри рождение началось... / Мы оба были непокорны – / И ты, и я – своей судьбе...» [3, 225]. Скульптор подчёркивает нерасторжимую связь со своим отцом: «Отец! Ты весь пропитан лесом, / Ты пахнешь древесиной и корой... / Ты – мой отец, и я – твоё творенье...» [3, 232]. Используя жанровую форму лирической поэмы, поэтесса передаёт всю многогранность чувств и мыслей героя, тоскующего по своему родному краю: «Мне часто Мордовия снится, / Свиданье у тёплой реки... / Твой след в камышах затерялся, / Босоногую юность маня... / Я с тобою навеки расстался, / Но во сне обнимаю тебя...» [3, 233].

Поэма Веточки – своеобразная исповедь скульптора, передающего в дар современникам свои творения. Представляя каждую свою работу, он раскрывает всю гамму чувств, которую испытывал при её создании. Данная поэма – это своеобразная попытка погружения автора в мир души художника, попытка посмотреть на мир его глазами.

Обсуждение и заключение

Исследование показывает, что в мордовской литературе не ослабевает интерес к образу С. Эрзы. Русскоязычные поэты Мордовии при создании образа великого скульптора чаще всего обращаются к крупной жанровой форме – поэме, жанровые возможности которой позво-

ляют многомерно представить масштабность личности художника, его судьбу, внутренние переживания, связь с национальными корнями. Отличительной чертой рассмотренных произведений становится синтез документального и художественного начал. Поэтам важно обратиться к реальной биографии С. Эрзы, к этапам его непростого пути к мировому признанию. Феномен личности мастера поэты объясняют его нерасторжимыми связями с родиной, мордовским народом, его культурой и мифологией. Поэмы «Глубинный свет» В. Егоров и «Будущее» Э. Симдяновой раскрывают личность начинающего художника. Обратившись к казанскому периоду жизни эрзянского мастера, они поэтически осмысливают поворотные моменты в его судьбе – влияние творчества Врубеля («Глубинный свет») и создание иконы Богородицы Скорбящей («Будущее»). Авторы выделяют такие черты личности С. Эрзы как упорство, трудолюбие, сила характера. Введение в поэтическую ткань мордовской лексики, узнаваемых топонимов указывает на национальную принадлежность героя, его генетические корни. Поэма В. Гадаева «Предназначение» раскрывает аргентинский период жизни эрзянского скульптора. Её сюжетобразующим началом становится мотив воспоминания. Сквозь призму воспоминаний поэт создаёт образ тоскующего по родине мастера-скитальца. Философскими размышлениями о роли художника в обществе отличается поэма В. Юшкина «Тысяча строк об Эрзе». Её сложная архитекtonика, сочетание факта и вымысла создаёт образ гения-вдохновителя. Лана Веточка (Светлана Ламбина) обращается к жанру лирической поэмы. «Прощание Эрзы с “детьми”» представляет собой лирический монолог героя о себе и своих творениях. Повествование от первого лица, ряд синтаксических средств создания образа, особый ритмический рисунок позволяют передать многообразную палитру внутренних переживаний мордовского скульптора.

Список источников и литературы

1. Абрамов К. Г. Степан Эрзя: роман / пер. с мордов. Н. Максимова и Ю. Галкина. М.: Сов. Россия, 1980. 540 с.
2. Антонов Ю. Г. Формирование традиций русскоязычной литературы Мордовии // Просветительство в истории и современном развитии литературы, культуры и образования: сб. статей. Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 2023. С. 16–23.
3. Веточка Л. Мой Эрзя: стихи и музыка. Саранск: Красный Октябрь, 2016. 220 с.
4. Воронина Н. И. Личность на изломе времен в диалоге этносов // Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка: XX Международные Лихачевские научные чтения. СПб.: СПбГУП, 2022. С. 234–235.
5. Гадаев В. А. Жемчуг исканий: маленькие поэмы. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1993. 160 с.

6. Голяков А. Н. Авторское осмысление национальной картины мира в романе К. Абрамова «Степан Эрзя»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2017. 19 с.
7. Егоров В. Ф. Перепелиные зори: Поэмы. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1978. 44 с.
8. Ермина Н. И., Шеянова С. В. Мордовский рассказ рубежа XX–XXI вв.: проблематика, поэтика. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2022. 160 с.
9. Ильин Д. Ф. Российская духовная культура и творчество С. Д. Эрзя: этический аспект: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Саранск, 2000. 18 с.
10. Казанцева Т. М. Оригинальность художественного осмысления образа С. Эрзя в стихах мордовских поэтов // Финно-угорский мир. 2012. № 3–4. С. 45–50.
11. Казанцева Т. М. Рецепция феномена скульптура С. Эрзя в мордовской поэзии // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 89. С. 276–282.
12. Калинин И. Великому Эрзе: поэма // Калинин И. Зеленые костры. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1983. С. 38–46.
13. Ключева И. В. «Данный Вам талант должны выявить упорным трудом...»: скульптор Степан Эрзя и его ученица Айдемик Урарту // Общество. Среда. Развитие. 2023. № 2. С. 103–111.
14. Ключева И. В. Живописец Василий Нефедов в биографии и творчестве скульптора Степана Эрзя (Нефедова) // Известия Самарского научного центра Российской Академии наук. Социальные, гуманитарные науки. 2023. Т. 25. № 92. С. 94–100.
15. Ключева И. В. Скульптор С. Д. Эрзя и Казань (неизвестные архивные документы) // Эхо веков. 2015. № 1–2. С. 110–116.
16. Ключева И. В. Этноэстетика мордвы как основа искусства С. Д. Эрзя // Финно-угорский мир. 2016. № 1. С. 101–105.
17. Лысова Н. Ю. Художественная концепция в творчестве Степана Эрзя // Мир Эрзя. Саранск: Красный Октябрь, 2003. С. 15–20.
18. Моро А. Степан Эрзя. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1997. 333 с.
19. Резепова Н. В. Проблема национальной парадигмы в интерпретации образа всемирно известного скульптора С. Д. Эрзя: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2008. 23 с.
20. Симдянова Э. И. Красный день: Стихи. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1970. 91 с.
21. Сутеев Г. О. Скульптор Эрзя: биографические заметки и воспоминания. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1968. 142 с.
22. Шаронов А. М. Мордовский героический эпос: сюжеты и герои. Саранск: Морд. кн. изд-во, 2001. 205 с.
23. Юшкин В. А. Тысяча строк об Эрзе: Поэма // Юшкин В. А. Мой берег: Стихи и поэмы. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1985. С. 66–100.
24. Юшкин В. А. Эрзя: Стихи // Юшкин В. А. В синем и алом. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1976. С. 22–23.
25. Cahn A. Erzia: La vida y la obra rebeldes y peculiares de Stefan Nefedov. Buenos Aires: Tall. Gráf. A.J. Weiss, 1936. 104 p.
26. Fiori A. La Conciencia en el arte (y otros ensayos). Buenos Aires: Editorial ALFI, 1950. 141 p.
27. Fiori A. Stephan Erzia // Mundo musical. 1949. № 128. Mayo. Pp. 1–2.
28. René Wellek and Austin Warren. Theory of literature. New York: Penguin Books, 1956. 384 p.
29. Viñole O. Vida y obra de Stefan Erzia. Buenos Aires: Tanke, 1940. 40 p.

References

1. Abramov K. G. *Stepan Er'zia: roman* [Stepan Erzia: Novel]. Trans. from the Mordovian language by N. Maksimova, Yu. Galkina. Moscow: Sovetskaya Rossiya Publ., 1980. 540 p. (In Russian)
2. Antonov Yu. G. *Formirovanie traditsiy russkoyazychnoy literatury Mordovii* [Formation of traditions in Russian-language literature of Mordovia]. *Prosveshchenie v istorii i sovremennom razvitii literatury, kultury i obrazovaniya: sb. statej* [Enlightenment in the history and modern development of literature, culture and education: collection of articles]. Izhevsk: Izd-vo Udmurt. un-ta Publ., 2023. Pp. 16–23. (In Russian)
3. Vetočka L. *Moy Er'zia: stikhi i muzyka* [My Erzia: poems and music]. Saransk: Krasnyy Oktyabr Publ., 2016. 220 p. (In Russian)
4. Voronina N. I. *Lichnost' na izlome vremen v dialoge etnosov* [Personality of changing times in the dialogue of ethnic groups]. *Global'nyy konflikt i kontury novogo mirovogo poriyadka: XX Mezhdunarodnye Likhachevskie nauchnye chteniya* [Global conflict and the contours of a new world order: XX International Likhachev Scientific Readings]. Saint-Petersburg: SPbGUP Publ., 2022. Pp. 234–235. (In Russian)
5. Gadayev V. A. *Zhemchug iskaniy: malen'kie poemyy* [Pearls of Quest: Short Poems]. Saransk: Mordov. knizhnoe izd-vo Publ., 1993. 160 p. (In Russian)
6. Golyakov A. N. *Avtorskoye osmyslenie natsional'noy kartiny mira v romane K. Abramova "Stepan Er'zia"* [Author's interpretation of the national worldview in the K. Abramov's novel "Stepan Erzia"]. Saransk, 2017. 19 p. (In Russian)
7. Egorov V. F. *Perepelinye zori: Poemy* [Quail Dawns: Poems]. Saransk: Mord. Knizhnoe izd-vo Publ., 1978. 44 p. (In Russian)
8. Ermina N. I., Sheyanova S. V. *Mordovskiy rasskaz rubezha XX–XXI vv.: problematika, poetika* [The Mordovian short story at the turn of the XX–XXI centuries: problematics and poetics]. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta Publ., 2022. 160 p. (In Russian)

9. Ilyin D. F. *Rossiyskaya dukhovnaya kul'tura i tvorchestvo S. D. Er'zi: eticheskiy aspekt* [Russian spiritual culture and the creative work of S. D. Erzia: ethical aspects]. Saransk, 2000. 18 p. (In Russian)
10. Kazantseva T. M. *Original'nost' khudozhestvennogo osmysleniya obraza S. Er'zi v stikhakh mordovskikh poetov* [Originality of artistic interpretation of S. Erzia's image in the poems of the Mordovian poets]. *Finno-ugorskiy mir* [Finno-Ugric World], 2012, no. 3–4, pp. 45–50. (In Russian)
11. Kazantseva T. M. *Retseptsiya fenomena skul'ptura S. Er'zi v mordovskoy poezii* [Reception of S. Erzia's sculpture phenomenon in Mordovian poetry]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal], 2009, no. 89, pp. 276–282. (In Russian)
12. Kalinkin I. *Velikomu Er'ze: poema* [To the Great Erzia: Poem]. *Zelenyye kostry* [The Green Bonfires]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1983. Pp. 38–46. (In Russian)
13. Klyueva I. V. *Dannyy Vam talant dolzhny vyavut' upornym trudom...* [The talent given to You must be revealed through persistent work...]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitiye* [Society. Environment. Development], 2023, no. 2, pp. 103–111. (In Russian)
14. Klyueva I. V. *Zhivopisets Vasily Nefedov v biografii i tvorchestve skul'ptora Stepana Er'zi* [The painter Vasily Nefedov in the biography and creative work of the sculptor Stepan Erzia]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy Akademii nauk. Sotsial'nyye, gumanitarnyye nauki* [The Proceedings of the Samara Academy of Sciences of the Russian Academy of Sciences. Social Sciences, Humanities], 2023, vol. 25, no. 92, pp. 94–100. (In Russian)
15. Klyueva I. V. *Skul'ptor S. D. Er'zia i Kazan' (neizvestnyye arkhivnyye dokumenty)* [The sculptor S. D. Erzia and Kazan (unknown archival documents)]. *Ekho vekov* [Echo of Centuries], 2015, no. 1–2, pp. 110–116. (In Russian)
16. Klyueva I. V. *Etnoestetika mordvy kak osnova iskusstva S. D. Er'zi* [Ethno-aesthetics of the Mordovian people as the basis of S. D. Erzia's art]. *Finno-ugorskiy mir* [Finno-Ugric World], 2016, no. 1, pp. 101–105. (In Russian)
17. Lysova N. Yu. *Khudozhestvennaya kontseptsiya v tvorchestve Stepana Er'zi* [Artistic conception in Stepan Erzia's creative work]. *Mir Er'zi* [The World of Erzia]. Saransk: Krasnyy Oktyabr Publ., 2003. Pp. 15–20. (In Russian)
18. Moro A. *Stepan Erzia*. Saransk: Mordov. knizhnoe izd-vo Publ., 1997. 333 p. (In Russian)
19. Rezepova N. V. *Problema natsional'noy paradigmy v interpretatsii obraza vseмирno izvestnogo skul'ptora S. D. Er'zi* [Problem of national paradigm in the interpretation of the image of the world-famous sculptor S. D. Erzia]. Saransk, 2008. 23 p. (In Russian)
20. Simdyanova E. I. *Krasnyy den': Stikhi* [The Red Day: Poems]. Saransk: Mord. knizhnoe izd-vo Publ., 1970. 91 p. (In Russian)
21. Suteev G. O. *Skul'ptor Er'zia: biograficheskiye zametki i vospominaniya* [The sculptor Erzia: biographical notes and memoirs]. Saransk: Mordov. knizhnoe izd-vo Publ., 1968. 142 p. (In Russian)
22. Sharonov A. M. *Mordovskiy geroicheskiy epos: syuzhety i geroi* [Mordovian heroic epos: plots and heroes]. Saransk: Mordov. knizhnoe izd-vo Publ., 2001. 205 p. (In Russian)
23. Yushkin V. A. *Tysyacha strok ob Er'ze: Poema* [Thousand Lines About Erzia: Poem]. *Moy bereg: Stikhi i poem* [My Shore: Poems]. Saransk: Mordov. knizhnoe izd-vo Publ., 1985. Pp. 66–100. (In Russian)
24. Yushkin V. A. *Er'zia: Stikhi* [Erzia: Poems]. *V sinem i alom* [In Blue and Crimson]. Saransk: Mordov. knizhnoe izd-vo Publ., 1976. Pp. 22–23. (In Russian)
25. Cahn A. *Erzia: La vida y la obra rebeldes y peculiares de Stefan Nefedov*. Buenos Aires: Tall. Gráf. A.J. Weiss, 1936. 104 p. (In Spanish)
26. Fiori A. *La Conciencia en el arte (y otros ensayos)*. Buenos Aires: Editorial ALFI, 1950. 141 p. (In Spanish)
27. Fiori A. *Stephan Erzia. Mundo musical*, 1949, no. 128. Mayo, pp. 1–2. (In Spanish)
28. René Wellek and Austin Warren. *Theory of literature*. New York: Penguin Books, 1956. 384 p. (In English).
29. Viñole O. *Vida y obra de Stefan Erzia*. Buenos Aires: Tanke, 1940. 40 p. (In Spanish)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гудкова Светлана Петровна, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Национальный Исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), доктор филологических наук.

sveta_gud@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-5894-6347

ABOUT THE AUTHOR

Gudkova Svetlana Petrovna, Professor, Department of Russian and Foreign Literature National Research Ogarev Mordovia State University (430005, Russian Federation, Republic of Mordovia, Saransk, Bol'shevistskaya St., 68), Doctor of Philological Sciences.

sveta_gud@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-5894-6347